

Благодарность

Отдаю почести всем жертвам өссенских грибов — своим любезным и безжалостным бета-ридерам, без поддержки и замечаний которых эта история и дальше существовала бы как слой сведений в протонации вместо того, чтобы конденсироваться в виде слов на бумаге или экране.

Помогли мне прогрызть путь сквозь мицелий до самого дна следующие люди: Каролина Францова, Санча Филле, Виктор Яниш, Ондржей Миллер, Рихард Поданы, Зденек Рампас. Спасибо! И особенная благодарность моему мужу, Мартину Климу, за то, что за одиннадцать лет, пока я с переменным успехом и перерывами писала эту книгу, он не выставил меня с моей бандой инопланетян за дверь.

Вилма К.

* * *

Пять священных веществ. Пять уровней на пути к Озарению — самому прекрасному и самому страшному, что принесла цивилизация өссеан на планеты людей. *Гёмершаул*, по-терронски называемый *Янтарные глаза*, проломит барьеры сознания. *Лаёгүр*, *Лед под кожей*, сосредоточит мысли на далекой цели. *Өкрё*, *Падение в темноту*, уничтожит пламенем все, что было; а *янтрүн*, *Видение*, откроет дверь в новый мир и новую реальность. И, наконец, к душе взывает *рәвё*, *Голоса и звезды*, — и объединит хаос сомнений в единое и единственное целое, в *Космический круг Совершенного Бытия*.

Такова вера өссеан.

Однако существуют и другие. Люди, как Лукас Хильдебрандт, которые хоть и понимают, чего от них хотят, но все равно ни за что не сделают этого, как положено. *Космический круг Совершенного Бытия* они принципиально называют *Комическим духом Откровенного Нытья*; а вместо того, чтобы идти навстречу Богу, упорно бредут в обратном направлении.

Для них это самый настоящий ад. Или как минимум борьба за жизнь.

Пять уровней неволи, зависимости, безумия.

Гөмершаул

Глава первая

ТАИНСТВО ДАЛЕКОЗЕРЦАНИЯ

«**С**амые важные вещи происходят втайне», — говорили на Ёссе, и Лукас Хильдебрандт эту поговорку знал. Его глаз был наметан на непримечательные мелочи, которые могли повлиять на целый мир, и эта тоже не осталась незамеченной: на первый взгляд, незначительное событие, скрытое за суетой вокруг возвращения колонистов с Д-альфы. Пока медианты в поте лица пытались заслужить свою зарплату и заполняли все каналы нетлогов громкими заголовками вроде «*Обнаружен новый ГУЛАГ*», «*Незаконные действия Совета по исследованию космоса*», «*Д-альфа открывает свою страшную тайну*», — он был на несколько шагов впереди и стучал в совсем другие двери.

Двери эти — портал из нержавеющей стали, полированного титана и свинцового стекла — выглядели торжественно, как и положено в административном районе. Однако хватало всего одного взгляда на размашистые и легкие, воздушно-атектоничные черты здания, чтобы понять, что это точно не банк и не ведомство, да и вообще не что-либо человеческое. Ёссенский стиль, который

метко прозвали *пришельческой готикой*, гарантированно отпугивал всех финансистов, менеджеров и юристов — разве захотелось бы судебной фирме иметь офис в храме?

Лукас Хильдебрандт невольно вздрогнул от отвращения, входя сквозь роскошные двери в круглый зал с приглушенным светом, и его рука так же невольно потянулась к плечу в древнем приветствии *Преданных и Избранных, Стоящих в Тени Аккүтликса*, пока не вспомнил, что в Аккүтликса не верит. Он быстро спрятал ладони в мягкие складки пончо и тихо скользнул во тьму меж колонн.

Его окружила тишина, почти осязаемая после шума улицы, — это был совершенно другой мир. Лукас ощутил воздух святыни с примесью ароматного дыма, и у него под ребрами затаился страх. Он уже чувствовал, как воспоминания поднимаются со дна его памяти — самые чуждые ему воспоминания; он почти бросился обратно к дверям, пока его не накрыло волной непреодолимых образов. Но потом он напомнил себе, зачем пришел: Совет, Д-альфа, подозрение.

К черту Ёссе! Слишком мало времени, чтобы скрываться от их идиотского пафоса.

Он огляделся. В зале ожидала дюжина ёссеан, молча и без единого движения — часть на ногах, большинство на коленях. Все без исключения склонили головы, обратив их к центру, где точно так же без движения стояла фигура Насекомьего бога. По традиции фигура была отлита из гладкой блестящей стали и установлена в карминовом *айё* — *солнце* — из розового мрамора и красного гранита. Обычно у святых нимб над головой, но у Аккүтликса — под ногами. Лукас ухмыльнулся. Было кое-что еще — особенность, которую любой упустил бы из виду, если бы не знал о ней: извилистые струйки, высеченные в

лучах айö, уходящие в камень, как высохшие русла горных ручьев, и стекающие к ногам Насекомьего бога. Почерневшая корка на их дне выглядела как пыль железистого граната.

Но это была кровь.

Лукас обошел фигуру не глядя на нее и нашел себе неприметное место позади. Его темно-серое шерстяное пончо с длинной бахромой почти сливалось с цветом камня. В стене было несколько дверей, с обеих сторон имеющих узкие доски из иссиня-черного сланца, на которых светились надписи мелом. Он оглядел их — надписи были на чистом корабельном öссенском языке, без каких-либо знаков транскрипции и, конечно же, без перевода на какой-либо понятный человеческий язык. Причудливые узоры öссенского письма людям очень нравились — это мог быть неплохой принт для футболки, — но, конечно, мало кто разбирался в них достаточно хорошо, чтобы поставить на кон собственную жизнь. Неудивительно, что в этом здании посреди лучшего района Н-н-Йорка, кроме него, не было ни одного землянина.

Но он уже справился с недолгим приступом страха. Обычно Лукас подходил ко всем вопросам с подчеркнутой сдержанностью — даже связанным с Öссе; и теперь, когда он видел испуганные набожные выражения лиц своих *неединоверцев*, к нему возвращалась положительная непредвзятость. «Ну что ж, друзья, и как вы вызубрили святую книжку? — обратился он к ним мысленно. — Надеюсь, у вас найдутся пробелы в образовании, потому что я вообще не хочу тут торчать аж до вечера». Он сунул руки в карманы под пончо — спасибо, Господи, за герданскую моду, приправленную безвкусием землян! — и ждал.

Вскоре в зал вошел мужчина в синей тунике священника. Он держал сверхценный литургический предмет: мокрый гриб с украшенной серебряной рукоятью, название которого, если переписать его человеческим алфавитом, растягивалось на три строчки с дюжиной ö и полудюжиной ü. Лукас не успел воспротивиться своей натренированной памяти, и она добросовестно выдала ему слово целиком. Пока он невольно повторял в мыслях это слово и ругал öссеан за то, что они не могут называть гриб грибом, священник чинно дошел до самого алтаря. Вера предписывала ему ни на секунду не спускать глаз с Аккүтликса, пока он не подойдет настолько близко, чтобы прижаться лбом туда, где у других, более человеческих, фигур находились бы носки ботинок. Из-за этого он не заметил землянина между колоннами. Завершив священные обязанности, он подошел к стене и в согласии с ритуалом стер надписи с доски у одной из дверей. Затем справа написал новый стих.

Все öссеане разом подняли голову. Пока мел высыхал, а написанное проявлялось в темноте, они пожирали его глазами, расшифровывали надпись и усиленно размышляли. Шестнадцатая книга Аккүтликса, касавшаяся таинства Далекозерцания, состояла всего из двухсот стихов, но они были особенно немелодичны и с трудом понимаемы, потому выучить их было совсем не просто. Но, в целом, так на Öссе и ведется: если у тебя нет памяти, как у слона, ты не сможешь и домой бабушке позвонить. Элегантно одетая öссеанка слева от Лукаса нетерпеливо переступала с ноги на ногу на высоких каблуках и уже почти схватила мел, но потом передумала и убрала руку. Лукас видел, как от злости и нетерпения трясутся края ее реснитчатых ушей. Только вот в храме бога, который без

зазрения совести принимал человеческие жертвы, было бы нехорошо ошибиться.

«О мой мозг Аккүтликс, скорее всего, сломает зуб», — с цинизмом подумал Лукас и потянулся за мелом, прежде чем успеет решиться кто-то другой.

Теперь-то священник его заметил.

— Ты ведаешь, что творишь, чужак? — пискнул он голосом, в котором прозвучала явная паника.

— Как и каждый, кто здесь стоит, Досточтимый! — Лукас хорошо знал, что священник не может вот так вырвать мел из его руки, даже если бы захотел.

Честно говоря, он очень надеялся на өссенское чувство достоинства.

— Наша вера отличается от земной. Может, ты этого не понимаешь... — взволнованно продолжал священник.

— Безграничны объятия Аккүтликса, открывающиеся без различия всем, в ком есть воля стоять в тени его закона, — ответил Лукас первым стихом из Первой книги в надежде, что, блеснув знанием священных текстов, он немного успокоит өссеанина.

— Ты рискуешь своей кровью, а может, даже и жизнью.

— *Своей* кровью и *своей* жизнью, Досточтимый! — подчеркнул Лукас и посмотрел ему в глаза.

В радужках инопланетянина всплывали островки коричневого и языки ярко-оранжевого — вихри протуберанцев, в которые тут же проникала острая серная желтизна. Лукас знал, что это. Именно эта дрожащая изменчивость глаз, эта неудержимая, неуловимая прицельность, которая притягивала к себе все с неизмеримой силой, больше всего пугала землян в өссеанах. Он подождал несколько мгновений, а затем ускользнул от оков взгляда өссеанина — пожалуй, *трёигрү* на сегодня хватит.

Нельзя сказать, что ему не было страшно. С другой стороны, священник, очевидно, боялся еще больше. Всякий раз, когда на айö Аккүтликса истекал кровью какой-нибудь землянин, начиналось ужасное смятение, и оставалось в тайне это лишь благодаря факту, что Земля нуждалась в Öссе намного больше, чем Öссе в Земле. «Прошло бы мне даром, если бы я списал стихи со шпаргалки?» — подумал Лукас с усмешкой. Но он сомневался. Öссеане относились к своим святыням очень серьезно. У священника было узкое лицо — вероятно, архетипично аскетичное, но по нему сказать было сложно. Лицо было покрыто рядами серебряных ритуальных колечек, развешанных по коже от висков до подбородка так густо, что выглядело это как живая броня. Были они и на его гигантском носу. Этот öссеанин, как и любой верующий öссеанин, никому бы ничего не простил, но, с другой стороны, сам бы умер, лишь бы не нарушить *Слово, Тайну и Заповедь*.

— Это твой выбор, землянин.

— Во имя Аккүтликса, — заключил с пафосом Лукас и поклонился фигуре бога настолько глубоко, насколько был способен при всем своем вопиющем недостатке веры.

Без дальнейших разговоров он подошел к левой сланцевой доске и начал писать.

Священник стоял у него за спиной и внимательно за ним наблюдал. Лукас все еще чувствовал его — то, что öссеане называют *трёиерү*, — и это сильно замутило память. От взгляда янтарно-желтых глаз инопланетянина человек мог забыть, даже как его зовут, что уж говорить о стихах, самих по себе неясных и смутных, облеченных в самую сложную письменность, известную Вселенной. В старом корабельном öссеине, *храмовом наречии*, было

не меньше десяти тысяч знаков, отличающихся часто мелкими деталями — точкой здесь и там, наклоном и углом, шириной дуги или толщиной черты. Мелом писать было неудобно — Лукас чувствовал, как он крошится на мокрой неровной доске. Когда-то он спрашивал у Камёлё, девушки с Ёссе, почему в храмах, черт возьми, нет чертежной доски, если требуется такая точность. Она рассмеялась. «Если бы я не знала, что ты выучил все эти книги наизусть, Лус, то подумала бы, что ни одного слова из них не прочитал! Разве ты совсем ничего не понял?» Она была права: он знал это, но не решался в эту нелепость поверить. Сланцевые доски, элемент несовершенства и случайности. Даже тот, кто идеально знал все знаки, мог сделать ошибку — не по своей вине, а по воле Аккүтликса, по воле плохого мела и кривой доски. Насекомий бог не терпит интеллектуального высокомерия. Выучи тысячи непонятных символов, проситель, — если будешь посвящать этому два часа в день, это займет минимум пятнадцать лет, — но всегда помни, что этого все равно недостаточно. Ты никогда не сможешь держать все под контролем.

«В том, что верующий должен жить в неопределенности, есть смысл, — рассуждал Лукас, — я же, старый скептик, готов рисковать жизнью только в четверг после полдника. Иначе бы я, конечно, сюда вообще не пришел». За его спиной был камень, который прямо-таки излучал смерть, камень, бывший свидетелем паники и крика, гектолитров пота и расстройств кишечника — сам же он ничего выдающегося для его истории не сделал. Секунды убегали в полной тишине. Иногда скрипел мел. Те, кто смотрел, как он крепкими, уверенными линиями рисует запутанные знаки — без лишней суеты, но и без

сомнений, — вряд ли могли обвинить его в недостатке хладнокровия.

Только вот подавляющая атмосфера неземной святости действовала и на него, а может, и *именно* на него — тем сильнее, чем больше он сопротивлялся иррациональному, вооруженный иронией и скепсисом. «*Положи человека на спину, обязательно на спину*», — промелькнуло неожиданно в голове.

Его пальцы задрожали. Он не хотел представлять это, но его благие намерения уже были не властны над ситуацией. «*Фантазия — главный враг храбрости*», — гласит очередная өссенская пословица, то есть получается, храбрым может быть только тот, у кого никакой фантазии нет. Лукас представил себе мгновение, от которого его отделяет один неверный штрих мелом, и у него перехватило дыхание. Он почти чувствовал, как его тело сжимает холодный пояс из металла, натянутый через аиö и его ребра. «*На спину и вниз, лбом к ногам Аккүтликса, чтобы голова была ниже тела и кровь стекала к подбородку*» — отвратительно! Ощущение было таким острым, что он едва справился с импульсом вытереть доску локтем, быстро, пока еще может, пока его не связали.

Черт возьми. С Ёссе у него было нечто общее, и оно вовлекало его глубже, чем ему хотелось бы, — примерно так же, как у человека есть нечто общее с рыбьей костью, которая за ужином застряла у него в горле. «Наверное, можно удалить ее хирургическим путем, — пришло ему в голову, — но на алтаре, к сожалению, это делают без анестезии». Он взгляделся в знак, который начал писать, и упорно вспоминал, чего еще не хватает, какой кривой линии или полудуги, но никак не мог вспомнить. Пока вокруг царило возвышенное спокойствие, в нем резко

нарасталось ощущение присутствия Аккүтликса, прямо физическое: чувство давления, как будто надувается мешок. Острый звук в ушах. Глаза перестают видеть. Три килограмма ледяного ила в брюшной полости и луч божественного сознания в голове, даже больше — божественной насмешки.

«Я заполучу тебя, Лукас Хильдебрандт, когда захочу. Неужели ты до сих пор в это не веришь?»

Он едва не повернулся, едва не опозорился на полсекунды, чтобы бросить быстрый взгляд за спину и убедиться, что фигура все еще стоит на своем месте, что она не соскочила с пьедестала и не смотрит ему через плечо. «Этот жуткий, сотрясающий холод, который проникает в каждую кость, когда лежишь на камне!»

И еще одна мысль, даже хуже.

«Что даст тебе эта победа здесь и сейчас, глупец? Уже скоро, Лус. Так или иначе.»

И тут он услышал тихий треск ломающегося мела в руке.

Лукас смотрел не веря своим глазам, как мел рассыпался по земле — господи, как он мог это допустить? Только хоровое «а-а-ах!» всех ёссеан, которые до этого наблюдали задержав дыхание, привело его в чувство. «Плохой знак! Так Аккүтликс дает знать о своем недовольстве!» Все, включая священника, суеверные до ужаса, резко подняли руки и прижали пальцы к левому плечу.

«Прекрасно, вы еще перекреститесь», — кисло подумал Лукас. Он осознал, что судорожно сжимает в пальцах остатки влажного мела, крошечный кусочек, который ему и дальше придется отчаянно беречь. Мел нужен ему абсолютно весь, до последней крошки... конечно, если он вдруг не решит сдаться.

Он встряхнул головой. «Ну, нельзя же все испортить,— подумал он.— Морфий я забыл дома».

Ухмыльнувшись, Лукас очень осторожно добавил несколько линий. «Пусть хаос вернется туда, откуда вынужден был отступить,— в крепость, из которой его изгнали; и крик птиц пусть преобладает над словом»,— всплыл в его памяти конец стиха. Это было похоже на притчу о смерти — точно так же, как о коммуникации, о Далекозерцании и о чем угодно. Когда у болтовни нет определенного смысла, ее можно привязать к чему угодно. Он вновь усмехнулся и продолжил писать. Нет, нельзя было утверждать, что он страшно боится смерти. И забыть ёссенские знаки он не мог — только не он! В его памяти они были вырезаны острее, чем бриллиантом, выжжены, вьелись в нее как песок, а теперь выходили раскаленной нитью.

«Успею ли я, пока не закончится мел?» Да, он мог взять другой, но тут же решил, что, раз уж должен стоять здесь с суеверной толпой за спиной, пусть будет так, как им угодно. Если ему удастся дописать тем мелом, который у него остался, он воспримет это как знак, что получится и все остальное. «Все,— убеждал он себя,— что я хочу успеть за время, которое у меня еще есть».

«Совет. Д-альфа. Фомальхиванин. Единственное, что меня еще волнует».

Мел раскрошился в его пальцах: когда он рисовал последнюю дугу, оставалась уже одна пыль, но тут еще была линия, еще была. Это можно было принять за нее. С долей доброй воли, конечно. С долей снисхождения. С прищуренными глазами, обоими и каждым по отдельности. Сам Лукас был готов прищурить глаза, и доброй воли у него было достаточно. Он символически стряхнул

в каменную миску последнюю щепотку мела, оставшуюся у него под ногтями, и отступил на несколько шагов.

Нахмурившись, он разглядывал свой труд. Знаки были прекрасны — ровные, точные. «Боролся буквально до последнего... кусочка мела, — подумал он с невеселой усмешкой. — И именно таким будет последний день». Под пончо он тер заледеневшие пальцы. Рё Аккүтликс, он справился! Бронированный священник наконец перестал сопеть ему в затылок.

Целую минуту стояла полная тишина, пока ёссеанин не сказал наконец:

— Да. Можешь проходить.

* * *

Священник вел его вниз по неуютно узкому коридору. Лампы находились в полу, и в их рассеянном алом свете блестели стальные плитки на стенах. «Типичный древнекорабельный стиль, — думал Лукас. — Слишком по-ёссенски, на мой взгляд». Колодец Далекозерцания, который ему открыл священник, не выглядел уютнее. Нержавеющая сталь преобладала и здесь, но в соответствии с традициями пол был из вытопанной глины, что тоже уюту не добавляло. Лукас тут же почувствовал измененный запах влажной древесины и грибов.

Ёссеанин вошел первым и поднял стальные жалюзи, закрывающие экраны. Они были немного помяты, но священник похлопал их ладонями, и они стали выравниваться. Потом он наклонился к деревянной бочке. После активации передатчика волокна гифы пробуждались, а запах грибов усиливался. Лукас был предусмотрительным: сегодня он не обедал и превентивно выпил горсть